

ІІІ РОЗДІЛ

ФІЛОСОФІЯ, СОЦІОЛОГІЯ, ПЕДАГОГІКА, ПСИХОЛОГІЯ

В.І. ВОЛОВИК

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ

Каждая форма общественного сознания характеризуется наличием системы понятий, отражающих определенные стороны общественного бытия. Выступая в качестве структурообразующих, они находятся во взаимосвязи, взаимодополняя, взаимообуславливая друг друга. Каждая из них играет свою, безусловно, важную роль. Однако степень этой важности различна, исходя из чего есть основания, предпринимая философский анализ той или иной формы общественного сознания, выделять основные и неосновные понятия. К числу основных понятий, в частности, относятся «политическое пространство» и «политическое время». В то же время среди основных понятий, характеризующих ту или иную форму общественного сознания, есть понятия-интеграторы, те, которые объединяют все остальные в единую систему, отражая сущность последней.

Для научного сознания, к примеру, таковым понятием является «истина». В самом деле. Ведь сущность науки, в целом, любой из ее отраслей состоит в адекватном отражении познаваемой реальности, то есть в стремлении к истине. Если это качество отсутствует, утрачивается, отрасль знания, сколь бы авторитетной ранее она ни была, теряет статус науки.

Наиболее остро данное обстоятельство дает о себе знать в развитии истории. Ведь познание прошлого всегда считалось проблематичным. Каким пессимизмом и безысходностью веет, скажем, от слов, запечатленных в книге Екклесиаста или проповедника «Библии»: «Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после»¹. Пройдет не одно столетие и великий мыслитель и поэт Гете о том же скажет устами главного героя своей поэмы «Фауст», подчеркивая, сколь далека от истины историческая наука:

«Не трогайте далекой старины.
Нам не сломить ее семи печатей.
А то, что духом времени зовут,
Есть дух профессоров и их понятий,
Который эти господа некстати
За истинную древность выдают.
Как представляем мы порядок древний?
Как рухлядью заваленный чулан,
А некоторые еще плачевней –
Как кукольника старый балаган.
По мненью некоторых, наши предки
Не люди были, а марионетки»².

А разве сейчас у нас нет оснований усомниться в истинности знаний о прошлом Украины, которые подает нам историческая наука? Ведь сколько раз они кроились и перекраивались историками, которые озабочены, кажется, не тем, как достигнуть истины, а как угодить власти предрержащим, ту самую политическую власть. Не потому ли из самой же среды историков можно слышать рассуждения о том, что история не чистая наука, а нечто среднее между последней и искусством. Такой подход способствует дальнейшему снижению уровня научности этой дисциплины, а потому, при своей кажущейся привлекательности, весьма опасен.

Для религиозного сознания понятием-интегратором служит «религиозная вера», вера в сверхъестественные силы, в Бога. Обозначаемый им феномен, проявляющийся в качестве особого настроения, переживания, характеризующего внутреннее состояние людей, групп их, является способом существования религиозного сознания.

Для правосознания понятием-интегратором служит «справедливость». В нем отражается неумирающая, вечно живая, постоянно дающая о себе знать объективная потребность общества в достижении гармонии отношений между ролью отдельных людей, классов, других более мелких социальных групп и их социальным положением, трудом и вознаграждением, преступлением и наказанием, достоинствами людей и их общественным признанием, между правами и обязанностями.

Интегратором в системе понятий нравственного сознания выступает «добро», содержанием которого охватывает все то, что возвышает человека духовно и физически, что отвечает чаяниям и нуждам людей, способствует справедливости и гуманности в обществе, сохранению и упрочению жизни как таковой.

В системе понятий эстетического сознания такую роль играет «прекрасное», в котором находит свое непосредственное выражение эстетический идеал, оценка явлений действительности и произведений искусства, которые доставляют человеку чувство эстетического наслаждения, воплощающих в предметно-чувственной форме свободу и полноту созидательных и познавательных сил и способностей человека во всех сферах общественной жизни.

Интегратором в системе понятий философского сознания выступает «мудрость». Это понятие обозначает высшую духовную способность человека, вбирающую в себя осмысление реальной действительности на основе соединения жизненного опыта и разума, реализуемого посредством размышления («вопроснения») человека о мире, о самом себе, о смысле своей жизни и призвании в этом мире.

Есть свой интегратор и в системе понятий политического сознания. Эту роль как раз и играет понятие «политическая власть». К сожалению, содержание этого понятия практически не раскрывается в авторитетных справочных философских изданиях. Обходят его своим вниманием в большинстве случаев и философы, в том числе и те, которые отстаивают право на самостоятельное существование политической философии. В свое время это удалось авторам коллективной монографии «Политическая организация советского общества», выпущенной к 50-летию Октябрьской революции³, Ф.М. Бурлацкому и В.О. Мушинскому, авторам монографии «Народ и власть»⁴. Аналогично поступил и К.С. Гаджиев в работе «Политическая философия»⁵, не включив это понятие в предметный указатель.

Не жалуют его и зарубежные авторы. Данное понятие вы не встретите в объемном издании американских авторов Д.Г. Себайна и Т.Л. Торсона «Історія політичної думки», выпущенной киевским издательством «Основи»⁶, а также во «Введении в политическую философию» Лео Штрауса, изданного в Москве⁷.

Однако нельзя сказать, что понятие «политическая власть» находится вне зоны интереса обществоведов. Разработкой его, как и положено, довольно активно занимаются политологи. Рассматривая данное понятие в качестве видового по отношению к родовому понятию «власть», Н.И. Горлач, к примеру, приходит к следующему утверждению: «Политическая власть – это политическое господство, политико-правовая гарантия определенного типа экономических, социальных отношений, один из видов авторитета, собственно политического авторитета. Политическая власть – одно из самых важных проявлений власти, характеризующееся реальной способностью социальной общности (класса, страта, нации или иной общности), а также индивидов, отражающих их интересы, осуществлять свою волю с помощью политики и правовых норм»⁸.

Разделяя в общем исходные позиции данного автора в анализе феномена политической власти, мы все же не можем согласиться полностью с предлагаемой им дефиницией по крайней мере по двум причинам. Во-первых, вряд ли можно согласиться с тем, что политическая власть есть «один из видов авторитета, собственно политического авторитета». Ведь авторитет – это общее признание достоинств какого-либо лица, группы людей, системы

взглядов и организации. Всякая же власть предстает как, на наш взгляд обоснованно показывают исследователи, предпринявшие глубокий анализ этого феномена, в качестве общественного отношения, в котором преобладающая сторона – субъект подчиняет другую сторону – объект в соответствии с определенными целями»⁹. Да это, собственно говоря, не отрицает и Н.И. Горлач. Говорить же об авторитете общественного отношения, как нам кажется, не совсем корректно. Правда, на уровне обыденного сознания порой это допускается, как допускается и обратное – утверждения об отсутствии авторитета у власти либо его утрате. Именно на этом, как известно, делали акцент сторонники кандидата в Президенты Украины В.А. Ющенко в процессе последней бурной избирательной кампании, широко используя выражения «преступная власть», «бандитская власть», «коррупцированная власть» и т.д. Хотя, строго говоря, преступными, бандитскими, коррупцированными могут стать власть предержащие, те, кто занят в структурах системы государственного устройства, то есть государственные служащие самых различных уровней и категорий, но не сама власть. И лишаться авторитета, терять его, равно как и завоевывать, могут именно они. Если, конечно, вести разговор не на уровне бытовом, уровне обыденного сознания, а стремиться все же подниматься на более высокий уровень научного политического сознания.

Во-вторых, предлагаемая дефиниция, рассматривая политическую власть как одно из проявлений власти, характеризующееся реальной способностью социальной общности, а также индивидов осуществлять свою волю с помощью политики и правовых норм, не раскрывает характера данного явления и его сущность.

Этот же недостаток присущ и дефиниции политической власти, предлагаемой А.Ф. Додоновым, который определяет ее как «способность субъектов политики навязывать свою волю объектам политики с помощью различного рода ресурсов и средств»¹⁰.

Дело в том, что способность в русском языке понимается как талант, дарование, умение, а также возможность производить какие-нибудь действия¹¹. Политическая же власть выступает в качестве взаимосвязи социального субъекта, воздействующего на объект, который в то же время является и социальным субъектом. Таким образом, в данном случае мы имеем дело с субъект-объект-субъектной связью, то есть с общественным отношением, каковым является политическая власть, и что, по нашему мнению, должно быть отражено в определении данного явления.

Определение, далее, должно раскрывать содержание данного явления, которое, будучи представлено как система, включает в качестве структурообразующих все входящие в нее элементы и взаимосвязи их друг с другом и внешней средой. Речь, таким образом, идет о политическом субъекте и политических объектах, которые в то же время являются активно действующими субъектами, их связях друг с другом и внешней средой, весьма сложных и многообразных.

Определение, наконец, должно указывать на сущность данного явления. Таковым в данном случае является определенное воздействие указанной взаимосвязи, общественного отношения на сложившуюся в обществе систему государственного устройства, которое достигается преследующим определенные цели политическим субъектом в качестве преобладающей, более сильной стороны, опираясь на имеющиеся в его распоряжении методы, формы и средства.

У любого социального субъекта может быть несколько самых различных целей, преследуя которые, они могут навязывать свою волю другим субъектам, превращая таким образом их в объекты. Однако для того, чтобы он стал политическим субъектом, он должен иметь перед собой в качестве главной цели именно соответствующее изменение существующей системы государственного устройства. Вспомним, что за действия, направленные на достижение именно такого рода целей, во все времена преследовались как отдельные люди, так и целые партии по политическим мотивам. Правда, аргументы при этом, как правило, бывали иного рода, но, по сути дела, гонимые страдали за политику. Так было в условиях царской России. Так было при Советской власти, когда преследовались так называемые «диссиденты». Мало что изменилось и сейчас.

В самом деле. Межпартийная борьба в украинском обществе, находящемся на этапе трансформации, ведется уже давно, то обостряясь, то обретая более-менее спокойный характер. И далеко не всегда это была политическая борьба. Таковой она становилась, когда в центре ее оказывались вопросы изменения существующей системы государственного устройства, скажем, попытка введения в нее федерализма и сепаратизма, как это имело место на финише последней избирательной кампании.

Политическая деятельность, борьба выступает в качестве необходимого условия завоевания политической власти, которая предстает как результат победы, установления определенного господства политического субъекта над политическим объектом. При этом не следует забывать, что наличие объекта, который одновременно является и более-менее активно действующим политическим субъектом, непременно будет сказываться на результатах усилий политического субъекта. Он, завоеванное им преобладание, господство, будет лишь определенным образом, в некоторой мере соответствовать тому, к чему этот субъект стремится, цели, которой он старался достигнуть.

Исходя из сказанного, политическая власть, по нашему мнению, может быть определена как общественное отношение, в котором политический субъект, выступая в качестве преобладающей стороны, подчиняет себе деятельность других политических субъектов и, превращая их таким образом в объекты, обеспечивает определенной мерой достижение поставленной им цели – укрепления или ослабления, частичного либо коренного изменения сложившийся в обществе системы государственного устройства.

Опять-таки, нисколько не претендуя на истину в последней инстанции, полностью адекватное и исчерпывающее описание феномена политической власти, мы рискнули предложить данное определение в качестве рабочего. В защиту его преимущества можно назвать ряд причин.

Оно более четко определяет статус обозначаемого данным понятием явления, относя его к связям и взаимодействиям, в которые вступают люди, в ходе их совместной практической и духовной деятельности, то есть к общественным отношениям, точнее, к одному из них виду – политическим общественным отношениям.

Указывая на политические субъекты как на основные структурообразующие элементы, между которыми существует определенный тип взаимосвязи – преобладания одних над другими, господства и подчинения, оно позволяет проникать в содержание многочисленных форм проявления политической власти как социального, а точнее – политического феномена.

Говоря о формах проявления последнего, их можно классифицировать по целому ряду признаков, различая политическую власть по ее источникам (авторитету, силе, престижу, закону, богатству, знаниям, харизме, тайне, организации и пр.); субъектам (государственная, партийная, региональная) и объектам; по функциям (господства, управления, контроля, регуляции, координации, организации, мобилизации, защиты и пр.); по основаниям (экономические, социальные, юридические, административно-силовые, культурно-информационные и др.); по ресурсам власти (административный ресурс, любовь, страх и т.п.); по характеру (утилитарная, нормативная, принудительная); по формам влияния и т.п., как это делает, в частности, А.Ф. Додонов¹².

Предлагаемое определение, наконец, прямо указывает на сущность обозначаемого понятием «политическая власть» явления – не просто какое-либо общественное отношение в ряду их имеется в виду в данном случае, а отношение по поводу существующей в обществе системы государственного устройства. Отсутствие такового, его исчезновение вело бы к исчезновению феномена политической власти. Но не только: оно означало бы исчезновение всего политического бытия, поскольку отношение к существующей системе государственного устройства составляет и его сущность.

В прошлые годы советской истории нашего общества довольно часто доводилось слышать выражение, принадлежащее классикам марксизма, о том, что основной вопрос всякой революции есть вопрос о власти. Само собой разумеется, что речь шла о политической власти, которая, обладая общими признаками, присущими всякой власти как социальному явлению – объективность, причинно-следственная обусловленность,

конкретность, развитие, – отличается и рядом особенностей. Говоря о них, Н.И. Горлач, в частности, указывает на следующие: «Во-первых, политическая власть в пределах государства использует силу и принуждение легально. Во-вторых, для всякой власти обязательны верховные решения политической власти. В компетенцию политической власти входит и право ограничения влияния мощных корпораций, средств массовой информации и других учреждений или же вообще их ликвидация. В-третьих, политическая власть отличается публичностью, то есть всеобщностью и безличностью. В отличие от существующих небольших групп приватной, личной власти, политическая власть обращается от имени всего общества ко всем гражданам. В-четвертых, политическая власть отличается моноцентричностью единого центра принятия решений... И, в-пятых, политическая власть отличается многообразием средств власти. Политическая власть... использует не только принуждение, но и экономические, социальные и культурно-информационные средства власти»¹³.

К сожалению, смешивая понятия «политическая власть» и «субъект политической власти», автор порой употребляет не совсем корректные выражения. Являясь, как мы показали ранее, общественным отношением, политическая власть не может ни использовать силу и принуждение, ни «отличаться многообразием средств власти»: это прерогатива субъекта политической власти. В остальном же особенности ее, как нам представляется, указанным автором раскрыты верно и достаточно полно.

Характер политической власти как социально-политического феномена, его специфика обуславливают и особую роль обозначающего его понятия в системе понятий политического сознания как одной из основных форм общественного сознания. Оно, как мы уж ранее заметили, выступает в качестве интегратора указанной системы. Это, в частности, находит свое проявление в том, что говорить о «политическом пространстве» и «политическом времени» безотносительно к «политической власти» просто бессмысленно, поскольку лишь через обозначаемый данным понятием феномен, реально существующее отношение социальных субъектов, его изменение, развитие можно фиксировать место, направленность, глубину и протяженность, последовательность, длительность, ритмы и темпы их воздействия на существующую в обществе систему государственного устройства. В нем, в его существовании и развитии могут проявить себя социальные субъекты в качестве политических субъектов, могут быть зафиксированы политические объекты, политическая жизнь общества, его политическое бытие. Через него, через существование, изменение его может фиксироваться политический процесс.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового завета. Канонические. В русском переводе с параллельными местами. – М., 1985. – с. 666.
2. Гете И.В. Избранные произведения. В 2-х тт. Т.2. – М.: Правда, 1985. – с. 146-147.
3. См.: Политическая организация советского общества. – М.: Наука, 1967.
4. См.: Бурлацкий Ф.М., Мушинский В.О. Народ и власть: Науч.-попул. очерк полит. системы социализма. – М.: Политиздат, 1986.
5. См.: Гаджиев К.С. Политическая философия. – М., 1999.
6. См.: Себайн Джордж Г., Торсон Томас Л. Історія політичної думки. – К.: Основи, 1997.
7. См.: Штраус Лео. Введение в политическую философию. – Пер. с англ. М. Фетисова. – М.: Логос, Праксис, 2000.
8. Горлач Н.И. Общество и политика. Избранное. В 3-х тт. Т.2. – Харьков: «Факт», 2003. – с. 234.
9. См.: Краснокутський О.В. Соціально-філософський аналіз феномена влади. Дисертація на здобуття наукового ступеня кандидата філософських наук. – Запоріжжя, 2004. – с. 51.
10. Додонов А.Ф. Политология. – Запорожье: «Просвіта», 2005. – с. 102.

11. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Гос. изд-во иностранных словарей, 1963. – с. 747.

12. См. указ. работу, с. 102-105.

13. См. указ. работу, с. 239-240.

В.П. Бех, Ю.В. Бех

ДВІ ПРОТИЛЕЖНІ ТЕНДЕНЦІЇ У МЕТОДОЛОГІЇ ДОСЛІДЖЕННЯ СОЦІАЛЬНОГО СВІТУ НА ПОЧАТКУ ХХІ СТОЛІТТЯ

Історія розвитку людської думки переконливо свідчить про те, що кінець минулого і початок майбутнього століття, як правило, знаменуються тим, що на передній край теорії пізнання висувається чергова вузлова проблема суспільного розвитку. Сучасна криза переконливо показує, що такою проблемою на стику ХХ і ХХІ століть є оптимізація нашого життя в планетарному масштабі.

Процес актуалізації проблеми фундаментальної раціоналізації суспільного життя спостерігається давно і в ній можна виділити, як мінімум, три етапи: перший - пов'язаний з обґрунтуванням примату ролі особистості в історії і земного походження суспільства і держави (епоха Відродження); другий - пов'язаний зі становленням соціальної доктрини марксизму, що розкриває суть суспільного життя на основі примату матеріального над духовним при зростанні творчої ролі народних мас як суб'єкта соціальної дії (кінець ХVІІІ - кінець 80-х років ХХ сторіччя); нарешті, третій - пов'язаний з пошуком "філософської єдності" серед безлічі відносно самостійних і взаємовиключних способів пояснення ліній розвитку соціального світу - теологічного, матеріалістичного, технократичного, феноменологічного, екзистенціального й інших (з середини ХХ сторіччя).

І завжди у цих випадках перед дослідниками гостро поставала проблема обґрунтування нового алгоритму організації наукового пошуку, оскільки методологія, як інструмент філософського, соціологічного, політичного або будь-якого іншого дослідження, представляє собою систему принципів та способів організації і побудови теоретичної і практичної діяльності, а також вчення про таку систему. Це загальновідомий факт. Проблема тут полягає лише в тому, що на кінець ХХ століття існуючі методології пізнання соціального світу майже вичерпали себе, як на Сході, так і на Заході, і не здатні були попередити світову спільноту про наближення тотальної кризи соціального світу, а сьогодні вони не спроможні відтворити троекторію трансформації соціальних систем.

У той же час склалося так, що на практиці реалізуються два протилежні методологічні підходи до організації соціальних досліджень. Один з них полягає в тому, що в галузь суспільствознавства активно запроваджується синергетика, як принципово новий метод дослідження соціальних явищ. Її прихильники вбачають переваги синергетики в тому, що вона розкриває механізми самоорганізації та саморозгортання соціальних систем. Звісно, що на певному етапі такий метод забезпечує виробництво нових наукових продуктів і це треба вважати позитивним здобутком методологічного знання, як вчення про організацію теоретичного аналізу проблем сучасного світу.

В спину їм "дихають" прихильники постмодернізму та етнометодологи. Етнометодологи, наприклад, вважають за доцільне взагалі не розглядати проблему методів дослідження. Для них те, що безпосередньо спостерігається, являє собою зусилля людей по створенню загального смислу соціальної реальності. Субстанція цієї реальності розглядається як щось менш цікаве, ніж засоби, завдяки яким створюється образ того, що існує "поза". Хоча ця позиція молода і має неясно сформульовані принципи, які позначають, як співтовариство діючих осіб активно сприяє домовленості про загальні образи реальності. Тим не менш, участь етнометодології розглядається як потенційно революційне явище для соціологічного теоретизування. Ми судимо про це, виходячи з матеріалів і документів ХІІ і ХІІІ світових конгресів соціологів.

Протистоїть цьому підходу у методології соціального пізнання інший алгоритм вивчення соціального світу. Сутність якого полягає у тому, що проблема методу пізнання відходить на